

Владимир Михайлов

Странный человек Земли

*Часть сборника
Люди Приземелья (сборник)*

Владимир Михайлов
Странный человек Земли

«Автор»

1967

Михайлов В. Д.

Странный человек Земли / В. Д. Михайлов — «Автор», 1967

«Это было совершенно невероятно. Более чем невероятно. И все же...
Налицо два объяснения. Первое: все приборы одновременно испортились
и теперь согласно несут чепуху. Второе: приборы в порядке, но маневр не
удался. Первая возможность отвергается всем опытом жизни. Приборы не
портятся. Этого просто не бывает. Вторая? Но когда же это тебе не удавался
маневр? Не лучше ли выйти и увидеть все своими глазами?..»

© Михайлов В. Д., 1967

© Автор, 1967

Содержание

1	5
2	8
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Михайлов

Странный человек Земли

1

Это было совершенно невероятно.

Более чем невероятно. И все же...

Налицо два объяснения. Первое: все приборы одновременно испортились и теперь согласно несут чепуху. Второе: приборы в порядке, но маневр не удался.

Первая возможность отвергается всем опытом жизни. Приборы не портятся. Этого просто не бывает.

Вторая? Но когда же это тебе не удавался маневр?

Не лучше ли выйти и увидеть все своими глазами?

Ну да. Как будто то, что глаза – свои, делает их безгрешными! Хотя до сих пор жаловаться вроде бы не приходилось.

Как бы для того, чтобы попытаться, до какой степени можно доверять зрению, Юрганов взглянул на переборку. Там есть такое свободное местечко, на котором пилоты, в зависимости от возраста, прикрепляют изображение любимой девушки, либо супруги в окружении потомства. У Юрганова же в этой семейной витрине висела фотография «Оберона».

И, надо сказать, корабль заслуживал того, чтобы его фотографии красовались на стенах. Стремительная машина крейсерского класса, участник немалого количества научных экспедиций, приспособленный специально для перевозки приборов (и ученых, как не без ехидства подумал Юрганов), «Оберон» доставил на Землю достаточно открытий – достаточно для того, чтобы люди с благодарностью глядели на его изображение, на эти плавные линии, создающие подобие средневековой боевой палицы, утыканной шипами антенн. Впрочем, массивный спереди, утончавшийся к выходу двигателя, корабль по-настоящему был похож лишь на самого себя.

Таким был корабль на снимке. А каков он сейчас?

Путь от центрального поста до гардеробной занял немного времени. Юрганов натянул скафандр. В выходной камере, переминаясь с ноги на ногу, дождался, пока насосы вытянули остатки воздуха и словно нехотя раскрылся массивный люк.

Тогда пилот включил ранец-ракету и устремился прочь от шершавого борта «Оберона». Через минуту он затормозил и повернулся лицом к кораблю.

Да, сейчас это не очень похоже на картинку. Не булава, скорее гантель. Там, где корпусу корабля следовало, плавно сужаясь, перейти в защитный параболоид двигателя, сейчас красовался второй шар, размером не меньше жилой гондолы. Гравиген. Устройство для создания искусственного тяготения.

Итак, вторая возможность?

Юрганов почувствовал, что начинает бояться. Бояться, как мальчишка, как...

А может быть, ничего?

Мало ли что – не отделился гравиген. Он, наверное, держится на волоске: толкнуть посылнее – и тускло отблескивающий в луче прожектора шар плавно сдвинется с места, поплывет, полетит; между ним и защитным параболоидом возникнет просвет, расширится, протянется...

Это будет здорово: двигатель окажется в полной готовности.

Конечно, так оно и произойдет. Глупо было пугаться. Вон там, кажется, даже сейчас виден небольшой просвет.

Вообще-то теоретически отсюда разглядеть просвет нельзя. Да и темнота; прожектор слишком слаб, чтобы как следует осветить корабль.

Но мало ли что! Бывает же: в критические минуты чувства у людей обостряются до предела. Вот у него сейчас и обострилось зрение; он увидел просвет.

Ух! А ведь чуть было не перетрусил...

Страх ушел; его место занял гнев. Действительно, свинство? Полон дом конструкторов; полгода, да что полгода, год целый они ломают голову, измышляя способ, как надежнее и удобнее прикрепить гравиген, к кораблю, чтобы «Оберон» доставил аппарат в Облако. И не придумали ничего лучше, чем уложить этот нелепый шар прямо в защитный параболоид двигателя.

Позвольте, но ведь двигатель тем самым выводится из строя! Ах, ничего, что за беда – мы снабдим корабль дополнительным двигателем, укрепим его позади гравигена, вы на нем прекрасно дойдете до места. А там отцепите его вместе с гравигеном и назад вернетесь, уже используя основной двигатель.

Да вы что, второй корабль хотите сзади пристроить? Нет, нет, что вы, только коллиматорную систему и выход. Энергию второй двигатель будет получать от вашего диагравигионного реактора, энерговоды пойдут в обход шара гравигена. Зато охваченная ими сфера будет лежать, словно в колыбели.

Все равно чепуха какая-то... А вы что же, хотите, чтобы мы укрепили гравиген спереди? Без всякой защиты? Тогда лучше его вообще не везти, а испортить здесь, на месте...

Вот так они его уговаривали. И уговорили-таки. Вот он, гравиген: там, где они хотели. И дополнительный двигатель на месте. Только энерговоды теперь не огибают плавно огромный шар, а торчат в разные стороны, словно вывихнутые щупальцы. Не гравиген, а паук какой-то.

Юрганов поморщился: к паукам и прочим восьминогим он всегда испытывал непреодолимое отвращение.

Хорошо, что какой-то просвет все же виднеется. Иначе положение было бы критическим. Связи с дополнительным двигателем уже прерваны, а основной так и не освободился.

Нет, чтобы Юрганов еще раз поддался на такие уговоры – дудки! Расстаешься с Землей, со всем хорошим на ней, летишь, летишь долгие месяцы, не позволяешь себе даже думать ни о чем, кроме дела – и в конце концов тебе преподносят такой вот сюрприз.

– Почему в конце концов не отцепился гравиген, я вас спрашиваю!

Юрганов проорал это, что было силы: знал, что никто не услышит. От крика, как всегда, немного успокоился.

Ладно. Пойдем, стукнем этот мячик, пусть отделится окончательно. Потом включим его при помощи дистанционного устройства – и гравиген останется выполнять свое назначение здесь, в Облаке, а мы улетим на Землю. И побыстрее, пока злость не улеглась.

Юрганов дал слабый импульс и медленно подплыл туда, где гравиген крепился к защитному параболоиду. Чем более сокращалось расстояние до корабля, тем мрачнее становилось лицо пилота.

Где же просвет? Был виден так ясно, а теперь...

Неужели только почудилось?

Как будто и в самом деле...

Юрганов осторожно просунул шлем в тесное пространство между поверхностью гравигена и внутренностью защитного параболоида. Повернулся так, чтобы осветить нашлемным прожектором ближайший захват – один из тех, что удерживали гравиген на месте.

Несколько минут пилот пребывал в неподвижности, стараясь до конца разобраться в открывшейся его взору картине.

Захват разошелся лишь наполовину. Его металл в луче прожектора радужно отсвечивал. Это означало, что разобцительные ракеты сработали, и пламя их выхлопов в течение

нескольких секунд раскаляло захваты. Металлические детали, потеряв при нагревании внешний, защитный слой, накрепко приварились друг к другу.

Юрганов просунул руку в узкое пространство между параболоидом и гравигеном и попытался дотянуться до массивных клешней, плотно охватывавших выступы на поверхности шара. После нескольких попыток это удалось; пришлось только втиснуться в эту щель до пояса. Но сколько пилот ни дергал, захваты упорно не хотели поддаваться.

И все же пилот еще и еще раз пытался навязать упрямому металлу свою волю. Он прекратил это, лишь почувствовав, что движения становятся все более судорожными и он теряет над ними контроль.

От напряжения зарябило в глазах. Юрганов позволил векам опуститься. Не надо, чтобы пространство видело его глаза вот такими.

А какими им быть еще? Без движения, без возможности тронуться с места – здесь гибель. Будь он еще не один...

А может быть, все не так страшно? От этой мысли глаза открылись сами.

Все тот же металл. Клешни захватов не разошлись больше ни на миллиметр. Ничто не изменилось.

Однако же это – всего лишь металл. Просто металл. Металл вульгарис. Неужели с ним нельзя будет справиться?

Осторожно, чтобы не повредить скафандр, пилот выбрался наружу и несколько минут висел, размышляя.

Кулаком эту машину не убедишь. Ее можно только перехитрить. Как – это предстоит придумать в центральном посту, там, где и стены, как известно, помогают.

Юрганов развернулся, чтобы пуститься в обратный путь. Но рука его в тугой пустотной перчатке протянулась было к стартеру, вдруг дрогнула и замерла на полдороге.

Вдалеке, в глухой, беззвездной ночи, внезапно возник узкий луч света.

Он родился из ничего и, пролетев тысячи километров, иссяк. Несколько мгновений луч трепетал, как задетая невзначай струна. Юрганову почудился даже тонкий, серебристый звук.

Пилот покачал головой и решительно включил ранец-ракету.

Нет, это не корабль. Никто не спешит на выручку. Луч возникает вдалеке, но источник его известен: лазерный прожектор в носу «Оберона», периодически вспыхивающий и угасающий.

Простой «облачный эффект»: луч света не виден в пустоте, если смотреть сбоку, но в тысячекилометровой толще пространства накапливается уже достаточно пылинок, чтобы свет, отражаясь от них, возвратился к кораблю, к глазу пилота, указать направление, в котором хотел бы, но не может двинуться «Оберон».

Пылинки... Недаром «Оберон» висит в центре пылевого облака. В центре вечной черноты, далеко за пределами которой остались звезды и обитаемые миры.

Ничего, выкрутимся. Только не вешать носа!

Ловко повернув, Юрганов вплыл в выходную камеру.

2

Он сидел в центральном посту. Ровно светились стены и потолок, едва слышно играла музыка. Любимые записи Юрганова. С ними легче думалось; полная, мертвая космическая тишина наводила на мысль о безысходности.

Юрганов медленно покачивал головой в такт протяжному напеву. Мелодия говорила о земных зеленых островах – там, в Тихом океане, – где всегда рады людям. Юрганов никогда не был на этих островах: не пришлось. Однажды совсем было собрался, но его – третьего пилота – пригласили вторым на «Антарес». В другой раз подвернулся рейс на корабле новой системы – испытание реверсивного устройства. Так и не пришлось побывать там.

Придется ли?

Ну, голыми руками нас не возьмешь. Не то воспитание, как говорится. Вот оценим обстановку...

Вспомним, как все произошло. Работая реверсом, пилот остановил корабль в Облаке. Этим завершилось выполнение первой части задания.

Вторая заключалась в отделении гравигена. Как это было? Юрганов прищурился, руки задвигались над пультом, производя заученные движения.

Вся операция по отделению гравигена производится при помощи одного рычага. Прежде всего ручка устанавливается в позицию отсоединения дополнительного двигателя, того самого, который дотащил всю махину сюда. Разрываются и отбрасываются энерговоды и прочие коммуникации.

Так и было сделано; мускулы правой руки еще хранят память об этом движении.

Затем рычаг переводится во вторую позицию: освобождение захватов. И это было выполнено. Но захваты почему-то разомкнулись только до половины. Заминка в механизме? Возможно; в таком случае ты не имел права переключать рычаг на выполнение третьей операции: на включение разобщительных ракет. Ведь приборы должны были ясно показать, что захваты не сработали.

А они и показали. Ты поздно спохватился, вот что.

Почему?

Юрганов вздрогнул и поднял голову. Что за чертовщина! Неужели он начинает сходить с ума?

Чем иным можно объяснить, что секунду назад Юрганов смотрел на шкалу указателя режима реактора, но вместо прибора увидел вдруг лицо девушки. Очень явственно увидел...

При чем тут девушка? Да и кто она? Почему именно ее подсунула расшалившаяся память?

И вдруг Юрганов вспомнил совершенно точно, что такой девушки он никогда не видел. Нет, она ему просто почудилась. Он еще подумал: вот если бы встретить... До сих пор он встречал каких-то не таких: чувствовал, что они не настоящие. Для других, может быть, но не для него. Сердце, как говорится, молчало.

Да, и вдруг такая девушка ему почудилась. Ни с того ни с сего. Высокая – чуть ниже его самого, большеглазая, с таким немного диковатым и решительным видом. Собственно, он запомнил, главным образом, глаза, остальное воспринималось не совсем ясно, но вот такой она ему привиделась. Вдруг.

Только сейчас не до девушки.

Да-да. Он и тогда подумал: сейчас мне не до девушки. И...

И?

Юрганов вдруг почувствовал, что мысли начинают заикаться.

Подумал, и... включил зажигание разобщительных ракет!

Значит, это тогда и произошло?

Память подтвердила: вот именно. Почему я тебе и подсунула эту девушку. Ты тогда смотрел на контрольные приборы, а вместо них видел эту – решительную. И не помнишь» как произошло раскрытие захватов только потому, что не заметил этого. Прошла положенная секунда, и ты машинально, как на тренировке, перевел рычаг и включил ракеты.

А предохранитель?

Чертыхаясь, Юрганов поднял панель. Предохранитель был смят. Тоже – предохранитель: восьмиугольная пластинка с усиками. Паукообразное какое-то, а не предохранитель. Плюнуть и выкинуть. Ну и ты, наверное, от прилива чувств рванул рычаг как следует: сила-то есть...

Ракеты сработали. А захваты так и остались полусомкнутыми.

Вот и думай теперь.

Хороший толчок помог бы тут. Если подразогнаться, а потом тормознуть – резко, на пределе перегрузок, – захваты не выдержат.

Только разогнаться не на чем.

Веселые дела! Впору вызывать свою базу – просить помощи.

Да ведь не вызывать! База далеко. Установить связь отсюда, из Облака, – дело непростое. Ничего же не видно. Даже антенну не наведешь как следует.

А там его так скоро не хватятся. В лучшем случае – месяца через полтора. Потому что он раньше и не должен был выйти из пределов Облака.

Месяц, полтора – по космическим масштабам, немного. Но тут, в Облаке...

Оно довольно плотное: десять в минус двенадцатой степени граммов частиц на сантиметр в кубе. Килограмм вещества на кубический километр.

Как будто ничего особенного. Но здесь эти кубы не мерены, не считаны. И пылинки мечутся в облаке с хорошими скоростями. А ведь корабль вместе с гравигеном – это немалая масса. К тому же на «Обероне» – искусственная гравитация. Слабая, конечно, но все равно, корабль создает свое поле тяготения. Траектории пылинок в нем искривятся...

Частицы вещества будут падать на корабль.

Сначала очень редко. Но они будут падать и падать, масса корабля станет увеличиваться, притяжение – возрастать, и пылинок закапает все больше.

...Ну что же: со временем здесь вспыхнет звезда. Ведь температура в клубке вещества, центром которого явится «Оберон», будет постоянно возрастать.

Вспыхнет звезда. Но не в этом ли и заключается цель полета?

В этом, друг мой, в этом. Потому ты и полетел на малоизвестном корабле: уж очень хотелось тебе зажечь в небе свою звезду. Пилот ты известный, тебя послали без слова возражения.

И полетел ты один. Это тоже было несложно: корабль, по сути, автоматический, человек на нем присутствует на всякий случай...

Но ты-то знаешь, что дело не только в этом. Можно бы лететь и втроем. Но ты хотел, чтобы звезда эта была твоей. И все.

И звезда будет. Будет...

Даже без помощи гравигена. Хотя его назначение именно в этом и заключается: включенный, он стал бы очень сильным центром тяготения, и Облако стало бы постепенно концентрироваться вокруг. Так нужно Человечеству.

Почти так все и произойдет. Только ты этого не увидишь. Разве что изнутри...

Во всяком случае, такого надгробного памятника еще ни у кого не было!

Но не лучше ли подождать с выводами? Даже из этого положения наверняка можно найти еще не менее ста выходов. Надо только поискать.

Для начала хотя бы включим локаторы кругового обзора.

Юрганов включил субмиллиметровые. Несколько секунд просидел неподвижно, ни о чем не думая, только глядя на экраны.

И увидел.

Слабая искорка сверкнула на экране. И погасла.

Юрганов понял: это пылинка. Первая, может быть, неощутимая, неразличимая простым глазом космическая пылинка, крохотный кристаллик, частица мироздания упала на обшивку корабля.

На другом экране тоже вспыхнул огонек.

Упала вторая...

3

Пылинки падали вот уже целый месяц. Конечно, дождем назвать это было нельзя; однако давно уже стало возможно, выходя из корабля, начертить что-нибудь пальцем на обшивке.

Когда-то – очень давно – Юрганов написал на обшивке что-то бодрое. Все попытки высвободить двигатель были еще впереди. Он расходовал их сначала помногу, пробуя каждый день два, а то и три способа разомкнуть или разрубить захваты при помощи инструментов, горелок – всего, что подвертывалось под руку. Время шло, не принося успеха. Тогда пилот стал экономить. Попытки были его хлебом, они были надеждой. И он с каждым днем все урезал свой паек.

Тем не менее наступил день, когда запасы надежды иссякли. Клешни по-прежнему прочно держали гравиген, двигатель был все так же бессилён.

В последний раз Юрганов вышел, чтобы убедиться в нормальной работе антенны сверхдальней связи. Ориентированная в направлении, которое казалось Юрганову наиболее выгодным, она непрерывно излучала сигнал бедствия. Чуть покачиваясь, решетчатый рефлектор рисовал в пустоте невидимую спираль, возвращался к ее центру и вновь начинал разматывать бесконечный клубок поиска. Вдруг на одном из витков сигнал попадет на чью-то антенну?

Только на это и оставалось надеяться. Иначе погибнет «Оберон», прекрасный корабль, оснащенный первоклассной защитой, хорошим, только пока, к сожалению, беспомощным, двигателем и даже транскоммуникатором – хотя это устройство здесь уж никак не могло пригодиться. Погибнет исправный, в сущности, корабль Объединенных Человечеств, да еще с пилотом на борту.

Антенна работала, и Юрганов возвратился к себе.

Он медленно снял скафандр и аккуратно, слишком аккуратно, водворил его на место. Замкнул дверцу, потом снова открыл ее: показалось, что замок работает недостаточно четко. Курганов принес инструменты и полчаса возился с замком. Полчаса или сутки, не все ли равно? Время потеряло ценность; оно сейчас было, как золото на необитаемом острове, где нет воды. Да, ручей надежды иссяк, и дно его трескалось от зноя...

Теперь замок действовал безотказно. Юрганов собрал инструменты, вытер пальцы. Чем заняться дальше? Нужно обязательно что-то делать – и чтобы работы было много, и чтобы результат был. Явный, осязаемый результат! Так приятно видеть какое-то дело завершённым...

Пилот возвратился в центральный пост; шел фланирующей походкой, помахивая инструментальной сумкой. Чем заняться?

Он даже остановился, чтобы топнуть ногой, так ему стало досадно: такой корабль – и совершенно делать нечего. И вдруг, словно этот удар ногой пробил какую-то преграду, сразу понял, куда девать время.

Пассажирская палуба! «Оберон» недаром был кораблем не только для приборов, но и для ученых. Для мужей науки отведена целая палуба под их каюты и лаборатории. И уж, наврное, в каютах этих можно найти что-нибудь интересное. Такое, от чего легче станет жить и дожидаться, пока кто-нибудь вытащит тебя отсюда и даст возможность заняться звездой настоящего.

Он опустился на пассажирскую палубу. Ого, как все здесь отличалось от делового убранства центрального поста! Как будто попал в другую страну.

Юрганов носком туфли откинул угол ковра в обширном холле. Палуба под ковром была не пластиковая, а из настоящего дерева. Дуб! Вот как перегружают двигатель... Он уселся в кресло, с удовольствием откинулся. В ковре, конечно, полно пыли. И откуда она только берется? Юрганов отмахнулся от мысли о той, другой пыли, которая бралась известно откуда, и продолжал оглядывать холл. Принимая корабль, он пробежал здесь рысью, потому что времени

было мало, а пассажирская палуба – не главное место на корабле. А сейчас ему тут понравилось. Здесь было куда лучше. Не потому, конечно, что пилотов уважали меньше, чем ученых. Там, наверху, слишком много места занимали механизмы, а жить в другой палубе пилот все-таки не мог: он для того и предназначен, чтобы находиться поближе к аппаратам. Поэтому наверху было тесновато, и вот такую махину, например, поставить было вовсе некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.